

Константин Костин

ПОДРЯДЧИК

**ПЕРЕСТРОЙКА
ДЕМОКРАТИЯ
РЕФОРМА
ГЛАСНОСТЬ**

ОН

вернулся в прошлое

чтобы перестроить будущее

18+

Константин Костин

Подрядчик

«Автор»

2022

Костин К. А.

Подрядчик / К. А. Костин — «Автор», 2022

Алексей впорол косяк. Конкретный косяк. Серьезные люди такого не простят. Понятно, что пора вставать на лыжи. Но куда бежать? В тайгу? На Мальдивы? На Марс? Нет, эти и на Марсе достанут. А вот в прошлом - точно не достанут! И Алексей сваливает в закат. В закат Советской эпохи. Восьмидесятые... рокеры, рэкет, Roxette. Здесь он получает второй шанс - шанс исправить свои ошибки. Или спасти СССР? Нет! Не Алексей разваливал Союз - не ему и спасать. Алексея заботит лишь свое благополучие. Своя рубаха ближе к телу. Он не прогибается под изменчивый мир, но прогибает мир под себя. Он вернулся в прошлое, чтобы перестроить будущее! Обложка: Константин Костин

© Костин К. А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

От автора	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Константин Костин

Подрядчик

От автора

Можно ли написать вступление к книге, которая была написана полтора десятка лет назад? Порой – не только можно, но и нужно! Потому что реакция читателя на книгу становится известна, как это не удивительно, только тогда, когда книга дописана, опубликована и прочитана.

Здесь многое зависит даже не от самой книги, а от умения читателя прочесть книгу, увидеть расставленные акценты. Я в своем творчестве уже неоднократно воздавал хвалу своей учительнице по литературе – Надежде Сергеевне, и воздам еще раз. Там, в школе, я не понимал, не видел те намеки, ту путеводную нить, которую оставлял в произведении автор. Такие тонкости я начал понимать гораздо позже – когда сам начал писать. И, отмечу, что с каждым разом я вынужден делать эти намеки все жирнее и жирнее. Вероятно, скоро начну писать огненными буквами на небесах, чтобы читатель заметил. Потому что с думающим, внимательным читателем – проблема. Дефицит. И это я понял еще в своем блоге, когда черным по белому описаны обстоятельства того или иного дела, но в комментариях продолжают задавать вопросы. А почему то? А зачем это? Где-то там, на заре творчества, я думал, что у самого не получается правильно донести мысль до читателя. Но, когда начал отвечать на подобные комментариями цитатами из поста – вопросы рассасывались.

Да. В жизни есть много правил, но главных – всего два. Первое, это относительно легко – быть внимательным. И второе, что гораздо труднее – быть очень внимательным. Я отмечу, что никоим образом не пытаюсь оскорбить читателя, но начинаю уставать, доказывая, что черное – это черное, а белое – это белое, когда в книге написано черным по белому, что черное – это черное. И, соответственно, белое – это белое.

О том, что далеко не каждый может проанализировать и понять текст, я начал догадываться после того, как написал вступление к серии "Скагаран". Если изначально меня обвиняли в плагиате – мол, стырил книгу Франсиса Карсака, чуть изменил и выдаешь за свою, то, после того, как я подробно расписал принципиальные отличия, делающие не только два мира, но и идеи, заложенные в произведениях разительно различными... вот только тогда даже законченные скептики согласились, что сюжет – да, похож, но книги разные.

И, на тот случай, если кто-то выше пропустил, я еще раз отмечу, что совершенно не пытаюсь оскорбить читателя.

Еще задолго до "Скагарана" произошел другой знаменательный момент, на который я тогда не обратил внимание. Вернее, я догадывался, что дело обстоит именно так, но захотелось проверить. В первой версии трилогии "402 метра", которую я написал, если память не изменяет, еще в 2001 году, названия глав звучали примерно так: "глава такая-то, в которой..."

Да, я подражал Б. Акунину, которым тогда все зачитывались и у которого главы назывались именно так. Признаюсь – я сам никогда не читал длинные названия глав. И мне стало интересно, один ли я такой? И вот одну из глав я назвал "глава такая-то, в которой автору интересно, читает ли кто-либо названия глав". И все читатели, с кем мне довелось пообщаться, признали, что до этой главы никто названия глав не читал. И лишь теперь вернулись обратно, перечитывая названия. А дело было, я подчеркну, двадцать лет назад. То есть проблема внимательного прочтения читателем не сегодня возникла. И не вчера.

Но вернемся к нити повествования. Первый камень в мой огород – то, что Алексей Скобобогатов, главный герой книги, не особо-то и положительный. Нет, он не пьет кровь из мла-

денцев – не настолько он злодей, но, все же, тип хамоватый, вороватый, распутник и пьяница. Главный герой непременно должен быть светочем морали и нравственности, как у классиков.

Кому он там, главный герой, чего должен? Если уж обращаться к классике – достаточно вспомнить "Трех мушкетеров" А. Дюма. Чем они занимаются на протяжении всей книги? Пьют, дебоширят, бретерничают, играют в азартные игры. При этом помогают королеве скрыть ее измену! Фактически, "Три мушкетера" – история про провинциального гопника, который ломанул в столицу, где влился в компанию точно таких же гопников. Ах, ну да! Это же гопники эпохи Возрождения – даже как-то романтично!

Если отвлечься от того, что Дюма преподносит протагонистами именно д'Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса, то, внезапно, окажется, что самый положительный персонаж во всей книге – это... кардинал! Ришелье – единственный, кто действует не исходя из собственных интересов, а во благо Франции!

"Подрядчик", написанный в 2008 году, переносит читателя в поздний СССР. Замечу – в 2008 году, когда тема попаданства в СССР еще не стала мейнстримом. СССР – вообще, тема неоднозначная, спорная.

Отсюда – вторая претензия заключается в том, что Алексей не спасает СССР. Вот вообще не спасает. Заботится только о себе. И здесь я отмечу, что спасение СССР от лица такого персонажа не вполне вписалось бы в его характер. Это уже потом, в более поздней попаданческой литературе главный герой стал спасать СССР. Авторы тянуло на глобальное... я никогда не пытался решить в своих книгах глобальные проблемы и всегда был далек от политики. На мой взгляд любое произведение про спасение СССР неминуемо скатится в политический детектив, а не легкое приключенческое чтиво.

И, наконец, третье.

В какой-то из своих книг, а я написал их столько, что имею полное право не помнить, в какой именно, я упоминал, что чтобы спровоцировать миллионы комментариев в интернете достаточно написать одну из двух фраз:

– В СССР было лучше.

– В СССР было хуже.

И все... и понеслась! Те, кто уверен, что СССР был раем с молочными реками и кисельными берегами, начнут спорить с теми, кто уверен, что СССР был филиалом Ада на Земле.

Собственно, по этой причине я и пишу это вступление – потому что очень многие пишут о том, что в "Подрядчике" я очерняю СССР. Это – главная претензия читателей. Доходит до того, что единолично меня обвиняют в развале Союза.

Нет. Это не так. Во-первых, официально заявляю, что лично я никакой ответственности за развал СССР не несу. Во-вторых, я не пытался очернить СССР. Как не пытался и обелить его. Потому что в Союзе были как положительные, так и отрицательные моменты. Нельзя смотреть ни на одно явление без полутонов, черное – черное, белое – белое. Впрочем, современная литература и кино воспитали читателя и зрителя, оценивающего события крайне категорично. Добро должно быть добрым, потому что оно – добро. А зло – злым, потому что оно – зло. И никаких гвоздей! Понятно, доступно для большинства зрителей, позволяет сэкономить на сценаристах, грохнув максимум бюджета на гонорары престарелым звездам и спецэффекты.

Если смотреть поверхностно... и сейчас пойдут спойлеры! Если смотреть поверхностно, то "Подрядчик" – это приключенческий роман и немного любовной истории. Если копнуть глубже, то "Подрядчик" – это ностальгическая сага по вечным советским холодильникам, мотоциклам JAWA, советскому мороженому в металлических пиалах.

Но основная мысль, которая заложена в книге, которая черным по белому звучит несколько раз – что мы ностальгируем не по самому Союзу. Мы любим не то время, а себя в том времени. Когда мы были моложе, когда у нас не было остеохондроза, камней в почках, гипертонии. Когда забирались на второй этаж без отдышки. И те девушки, что любили нас, тоже

были моложе! Когда мы рассказывали друзьям о своих распутствах – никому не приходило в голову уточнить, что гуляли с молодыми девушками. Просто – девушками. И было понятно, что с молодыми. Других тогда у нас не было. Это сейчас требуется уточнение: "был в сауне с молодыми девушками". Чтобы подчеркнуть, что сам еще о-го-го и здоровья хватает на молодых девушек. Ну как молодых... всего по тридцать с хвостиком! А кто младше тридцати – те вообще еще дети.

Если б наша молодость приходилась на сколь угодно мрачные и темные времена, хоть периоды Инквизиции или Великой Чумы – мы бы любили то время. По той же причине – это была наша молодость.

Кто-то возразит. Мол, у тебя в книге рэкет, дефицит, очереди. Чернуха сплошная! Да. У меня в книге рэкет, дефицит и очереди. Потому что я пишу про 1988 год. И вряд ли кто-то сможет заявить, что в 1988 году не было рэкета, дефицита и очередей. Потому что оно там было и спорить с этим бесполезно. Я сам там, в 1988 году, был. Для кого-то 1988 год – история, а для меня – жизнь.

Особо настойчивый скажет: а зачем ты тогда пишешь про конец восьмидесятых? Напиши про семидесятые! Вот уж райское было время! Отвечаю. В следующий раз, когда я буду жить в семидесятых, я напишу про семидесятые. А пока я жил в восьмидесятых, потому и пишу про восьмидесятые.

В конце начала отмечу, что мой роман не пропагандирует абсолютно ничего из того, что запрещено пропагандировать, осуждает то, что положено осуждать и поддерживает то, что надлежит поддерживать. И, конечно, не преследует цели оскорбить кого-либо.

Глава 1

Жизнь... жизнь – удивительная штука! Еще вчера я был на волне – мог пройтись по клубам, оставив в каждом по полторы-две штуки баксов, мог купить новый Porsche Cayenne только потому, что у Lexus'a пепельницу лень вытряхнуть, мог наполнить джакузи шампанским, вперемешку с длинноногими девицами... да что там! Я мог выключить зиму, свалив в октябре туда, где ее вообще не бывает, вернувшись на родной Урал лишь после восхождения подснежников. Я уже снег-то несколько лет подряд видел на картинке или в бинокль. В крайнем случае – в своем бокале, в виде льда. Я мог взять пару бутылочек Louis Roederer Cristal и прикончить их вечером перед телевизором... да потому что именно этим вечером влом куда-то идти. Вообще, лень – это когда видишь необходимость что-то делать, но не хочется, а влом – это когда хочется, но не видишь необходимости. Я мог все, в том числе позволить себе и «лень» и «влом» – два самых дорогих удовольствия. Как там Онегин говорил? Я думал, праздность и покой – замена счастью... дудки! Праздность и покой – это роскошь, а не счастье!

Но это было вчера. А сегодня я стоял перед руинами, занимающими площадь в пятнадцать тысяч квадратных метров. Сто пятьдесят соток, если говорить языком, привычным дачникам и садоводам. Развалинами, еще вчера бывших цехом... почти достроенным, стоит отметить, цехом! А сегодня от него остались лишь искореженные балки, куски железобетонных изделий, не поддающихся идентификации... хотя нет, вру! Вот это – плита П5Б, а то – перемычка 1-ПБ-16... или 14? Пес его разберет!

– Сэкономили... – прошептал Виктор.

Старосельцев – куратор строительства от завода. Уж, кто-кто, а он то до миллиметра знал, где я сэкономил и на чем. И до копейки тоже. А то как же – подписать акты скрытых работ и не знать, что сваи забиты на глубину шесть метров, но никак не двенадцать, как наивно предполагал проектировщик и как думало его начальство, оплачивая счета. Десять тысяч свай! Причем, то, что забиты они на глубину, меньшую в два раза, отнюдь не означает, что и их стоимость меньше в два раза. Да ничего подобного. Хрен вам там, как говорят французы! Каждый последующий метр обходится чуть ли не в три раза дороже предыдущего. Так что здесь не только мой Cayenne, но и Impreza дочери Старосельцева, и его яхта на Увильдах, и шубка его жены, и... да мне ли деньги в чужих карманах считать?

– Сколько лет строю, еще ничего не упало, – вспомнил он мои слова. – А это что? Что, я у тебя спрашиваю? Теперь ответишь по полной! За все!

– Вот тебе раз, Виктор Алексеевич, приехали, – едко усмехнулся я. – А не ты ли, когда бабки получал, заверял меня, что ответственность пополам?

– Так это если бы не грохнулось – то на здоровье, – нашелся куратор. – А так – я умываю руки. Расхлебывайте дальше сами, господин директор! Я ничего не видел, ничего не слышал, но всем все расскажу!

Ага, так и живем! Вот задачка не для среднего ума – ставим монолитно-каркасную свечку, обкладываем ее кирпичом, всего – три тысячи шестьсот кубов кирпича. От заказчика получаем по две тысячи рублей за куб, рабочим платим по тысяче двести. Вопрос – сколько заработает моя компания? Два миллиона восемьсот восемьдесят тысяч? Ничего подобного! Три с половиной миллиона! Почему так? Да потому что для субподрядчика кубов – три четьреста, по формам – три восемьсот. Плюс откат тому, кто подписывает акты. Арифметика – наука не точная. Коррупция во сто крат точнее! Коррупция даже уголовным кодексом измерена, а учебники эти свои детские – оставьте школьникам.

Так и живем, да! Миллиметр здесь, сантиметр там. Крошечные деления на рулетке складываются в копейки, копейки в рубли, а уж рубли... о! в миллионы! Хочешь жить – умей вер-

теться, вот лозунг мой и солнца. Только, кажется, на этот раз я довертелся. И, черт побери, как я ни прикидывал, столько бабла, чтобы отстроить цех заново, у меня не было. Вот же напасть...

– Витя, – повернулся я к куратору.

Но его уже и след простыл. Смотрелся, зараза. Сейчас, поди, копается у себя в бумажках, выбирая из них наиболее противозачаточные. Да-да, в строительстве лучшее противозачаточное средство – бумага. С печатями и подписями.

Тоже человека понять можно. Скорее всего, тоже пилился с кем-то своими... моими откатами. И если распутать этот клубок – столько голов полетит! Я даже считать боюсь. А представить, чьи это будут головы – тем более.

– Эй, начальника! – образовался рядом бригадир таджиков.

Кажется, его звали Кадам. Или Гафур. Но точно не Гоша, как он сам представляется. Всегда удивлялся – как это у них получается? Как работать – хрен кого найдешь, а как деньги получать – будто из-под земли вырастают.

– Начальника, аванса кончились, деньги кушатьма нада, – улыбаясь произнес гастарбайтер.

– Какие еще деньги? – отмахнулся я.

– Ай, ты работа говорил? Говорил! – начал загибать пальцы Гоша. – Мы работа делаль? Делаль! Деньги кушатьма оченьна нада!

– На, – я извлек из кармана фиолетовую пятисотенную купюру. – Кушайте.

Никогда, наверно, не пойму, как бригада из двадцати таджиков умудряются прожить на пятьсот рублей целую неделю. Хотя... самое время перенять опыт. Варенье из шишек, натуральный мед со свежими пчелами. Что там еще в тайге найти можно? Хотя в тайге меня найти могут. Пора вставать на лыжи. Рвать когти. Делать ноги. Сматывать удочки. Сваливать.

Развернувшись на каблуках, я отправился к проходной, где припарковал свой Сауенне. Оставаться здесь не только не имело смысла, но, еще и, достаточно опасно. Причем, это «здесь» означало далеко не этот конкретно взятый завод, даже не этот город. Скорее всего, даже не эту страну. Да кто его знает, возможно, и не эту планету... Драпать! Тикать! Как много синонимов, оказывается, можно подобрать к такому простому действию! Хоть за диссертацию садись... нет, чтобы сесть – много ума не нужно.

Свинчивать отсюда как можно скорее и дальше. Для того, чтобы отмыться моих сбережений явно недостаточно, но, чтобы залечь на дно где-нибудь в Гоа, должно хватить. Да какого черта! Хватит даже чтобы купить половину Гоа, а, может, и все. Только сначала надо до туда добраться.

Или, все же, на Марс, чтобы понадежнее?

Зазвонил телефон. Незнакомый номер. Так быстро?

– Слушаю?

– Алексей Сергеевич, вы рассмотрели наше предложение по поставке металлопроката? – прозвучал женский голос.

– А гробами не занимаетесь? – поинтересовался я.

– Какими гробами?

– Ну... дубовыми, наверно. Чтобы удобно лежать было.

– Э... нет, но...

– Тогда не звони сюда больше, – буркнул я, убирая трубку в карман.

Пролетев проходную, я похолодел. Несмотря на тридцатиградусную жару меня пробил озноб. Нет, такого не бывает! Там, где я оставил Porsche, под подозрительным углом к дороге стоял полуприцеп-панелевоз, а вокруг – толпа зевак. Не верю!!! Да не бывает же такого! Чтобы сразу две напасти в один день!

Оказалось – бывает. Мой замечательный Штутгартский жеребец, на который я даже не успел получить номера, превратился в месиво из металла и пластика, прижатый к забору полу-

прицепом КамАЗа. Круп Сауенне задрался под острым углом, что не удивительно – двадцать пять тонн прижали морду автомобиля к асфальту. Пожалуй, самая частая, самая тривиальная авария с участием полуприцепа – не рассчитал в повороте (или не заметил?), и смял легковушку рамой. Но то легковушка – Бог с ней, а здесь – джип, размером в половину троллейбуса. Водитель панелевоза – парень лет тридцати в промасленном комбинезоне, мертвецки бледный, с отсутствующим взглядом, смолит сигарету, сидя на корточках перед машинами.

– Напокупали тачек, буржуи, – покосился на меня дедок в спецовке, один из тех, что еще Ленина живого видели – совок до мозга костей. – Людям жрать нечего, а они жируют!

– Молодец, сынок, – подбадривала камазиста старушка. – Так им и надо, капиталистам проклятым!

Парню же от их солидарности легче не становилось. Он пытался попилить в голове те копейки, что оплатит страховка, но, как ни пыжся – на восстановление немца их не хватит – к гадалке не ходи. Даже мне – человеку, далекому от автопрома, понятно, что на возмещение ущерба таких страховок штук десять надо.

– Твою ж мать! – выдавил из себя я, подойдя поближе.

– Ваша? – поднял глаза шофер. – Сам не знаю... первая авария за пятнадцать лет!

– Зато сразу – страйк, – грустно усмехнулся я. – И что мы делать-то будем?

– Я не спорю – мой косяк, – развел руками камазист. – Да вы не беспокойтесь, я – мужик работающий, заплачу... на крайняк – почку продам. Вы только это... семью только не трогайте.

– Да кому ты нужен, – буркнул я.

– Эх, трахома, – водитель в сердцах пнул заднее колесо полуприцепа. – Пятнадцать лет – и ни одной аварии, а тут...

Скрипнул металл. Не знаю, каким чувством – шестым, десятым или двадцатым, но внезапно я понял... нет, такие вещи не понимаются, а чувствуются... «почувствовал» – вот правильное слово. Почувствовал, что сейчас произойдет. Схватив парнягу за воротник, я резко дернул его на себя. И как раз вовремя. Плита, стоявшая на раме, словно смеясь над законами физики, встала на ребро и, замерев на какой-то миг, ухнула на крышу Сауенне. Все произошло за какую-то ничтожно малую долю секунды. Вот она – была половина джипа, как вдруг – резкий хлопок и две с лишним тонны сдавили автомобиль как яичную скорлупу. Нетронутой осталась лишь нижняя часть крышки багажника с хромированной надписью «Сауенне Turbo S». Толпа, поносящая на чем свет стоит «буржуев», затихла, оборвавшись на полуслове. Даже птицы замолчали. Легкий ветерок, дувший все это время – и тот затих.

– Вот тебе два, – прошептал я.

– Я... я... я... – заикался камазист.

Проигнорировав его попытки, я развернулся и зашагал к стоянке такси. И без того времени потерял много. Слишком много.

Если раньше весь план спасения самого дорогого, что у меня есть – моей шкуры – сводился к одному – драпать, драпать, как можно скорее, то теперь, сидя в такси в пробках, когда времени собраться с мыслями было предостаточно... сказывалось еще и что я отошел от первоначального шока. В общем, голова стала трезвее рассуждать. Звенья разрозненных соображений складывались в одну цепочку, не мешало даже гундение таксера.

Значится так. Захожу домой, забираю всю наличку из сейфа, собираю вещи, беру Lexus, валяю к Семенову. А дальше... у Сашки – друга детства, моего одноклассника, где-то в области, в какой-то глухой деревне под одним из закрытых городов, которой даже на карте нету, был домик, доставшийся в наследство от черт знает сколько раз «пра» бабки. Хрен кто когда меня там отыщет. Отсижусь, а дальше – видно будет.

– А там посмотрим, – произнес я вслух.

– Чего? – наострил уши водила.

Мы как раз проезжали мимо шестнадцатизэтажной свечки, стянутой швеллерами по периметру. Помню, еще учась в школе, я недоумевал – зачем нужны на здании эти железяки? Теперь то я знаю – геология хреновая. Высокий уровень грунтовых вод, вот фундамент и поплыл, а дом стянули, чтобы по швам не разошелся. Еще два квартала – и я дома.

– Да ты продолжай, – кивнул я. – Я внимательно слушаю.

– Аха, я и говорю, – оскалился таксист. – Прежний-то был что надо. Серьезный мужик – сразу власть чувствуется. И одевался нормально – костюм, галстук, плащ. А этот... в кожаной куртке!!! Ты подумай, а! В кожанке, как байкер какой-нибудь!

– Знаешь... – протянул я. – ...здесь налево, во двор... сдается мне, что этот вопрос согласован на самом высоком уровне. Направо поверни... опять направо...

И вот я дома. Видавшая виды "Волга" остановилась перед моим блестящим лаком Lexus IS300. Расплатившись с водилой, закрыв с третьего хлопка дверь, я зашел в подъезд. В груди что-то екнуло. Очередное предчувствие, или уже паранойя? Я прислушался к своим ощущениям. Беспокойство лишь нарастало. Да нет, не бывает так, чтобы в третий раз за день какая-нибудь фигня случилась. Подгоняемый недобрыми подозрениями, не дожидаясь лифта, я пулей взлетел по лестнице на четвертый этаж, достал из кармана ключницу, отработанным движением отщелкнул кнопку и откинул нужный ключ. Вставил его в скважину, глубоко вздохнул и открыл дверь.

Я видел наводнения – приходилось. И в Германии, и в Польше, и в Луизиане. В Краснодарском крае – тоже. По телевизору, но видел. Так что имел некоторое представление. Но чтобы у себя в прихожей!

Пол скрывался за равномерным слоем воды. Хм! Как будто слой воды неравномерный бывает... Два белых парохода с лейблом «Nike» дрейфовали в сторону балкона. Чуть поодаль из-под воды торчала корма красных босоножек, а дальше плыл огромный айсберг пены. Где-то в глубине квартиры грохотал водопад.

– Блин... – прошептал я. – Это какая-то уличная магия Дэвида Блейна.

Осторожно ступая по болоту, придавив ботинком к грунту розовые стринги, я продрейфовал в ванную. Каждый год осенью наступает такой момент, когда я выглядываю в окно и тихо офигеваю. Земля, которая еще вечером была нормального цвета грязи, за одну ночь становилась белая, как простыня. На самом деле – величественное зрелище! Но, с одной стороны это означало, что зима не за горами, а с другой – что пора валить туда, где зимы нет.

Вот и сейчас я офигел, когда увидел ванную, еще утром бывшую цвета морской волны, а теперь – в белых перьях пены. Нет, пена не висела гроздьями и не сбивалась в кучу – она просто растеклась по всей комнате и порывалась сбежать за ее пределы.

– Твою ж мать! – уже в который раз за день произнес я, закручивая краны.

Кто-то мне за это ответит. Уже наплевав на сохранность штанин, я прошлепал в спальню. Здесь, как и ожидалось, натянув одеяло до самого подбородка, на кровати сидела вчерашняя девочка. Невинно хлопая ресницами, она подняла на меня свои большие удивленные глаза.

– Так, – рыкнул я.

– Леша, я нечаянно! – залепетала она. – Хотела набрать воды искупаться... и уснула.

– Так, – повторил я. – Ты кто?

– Я? – тон девушки моментально изменился. – Я – Роксана, – произнесла она, грациозно потянувшись.

– Роксана??? – усмехнулся я. – А между ног – Маруся Марусей. Деточка, ты как за все это расплачиваться собираешься? Твоих десятков за ночь здесь знаешь, сколько надо?

– А никак!

– Здрости, Маруся, приехали! С чего это никак-то?

– Да ты знаешь, какая у меня крыша? – нагло ответила проститутка.

– Чего? – удивился я. – Откуда у восемнадцатилетней пигалицы – крыша? Еще и такая, которую мне бояться надо?

– Вообще-то мне двадцать пять! А восемнадцать – это на сайте указано для повышения потребительского спроса!

– Конъюнктура рынка... – хохотнул я. – Вообще, к двадцати пяти пора бы сиськи и побольше отрастить. Слышь, маркетолог юный, ты как за это расплачиваться собираешься?

– Слушай, ты! – воскликнула Роксана, не забыв ладонями смерить размер своего бюста. – Я – элитная шлюха, а не какая-нибудь конь... как там дальше? Короче, не вот эта вот лошадь!

– Да мне до апельсина. Проваливай.

– Как? Не испугавшись, не накрасившись? – испугалась девочка.

– А ну быстро! – проорал я.

Сообразив, что шутки кончились, шалава, схватив в охапку свои вещи, вылетела из комнаты. Еще через секунду ее топот смолк и о девочке напоминал лишь чулок, свисающий с люстры, как бы намекая на быстрое решение проблемы.

Это звезда какой-то! Взяв с тумбочки полупустую бутылку Vassardi, щелчком большого пальца отвинтив пробку, я приложился к горлышку. Через несколько глотков стало заметно лучше. Отдышавшись, я посмотрел на бутылку. До дна оставалось всего пара сантиметров – чего уж там останавливаться? Задрав к потолку доньшко, я влил в себя остатки и почувствовал себя совершенно замечательно. Сейчас вторую открою – и драпать никуда не нужно будет...

Из коридора донесся всплеск воды. Неужели, рискнула за чулком вернуться? Взвесив в руке бутылку, развернувшись, я приготовился метнуть снаряд в лоб надоедливой проститутки.

Но в дверях стоял совершенно незнакомый плюгавый мужичонка в потертом совдеповском костюме, с очками диоптрий на пять, лысиной, окаймленной редкими волосами и совершенно заурядным, совершенно обычным, невыразительным лицом. Его скулы ритмично работали, перемалывая жвачку, а в руке он держал нечто, завернутое в грязную рваную тряпку.

– Алексей Сергеевич? – уточнил он.

– Я, – согласился я. – А ты – сантехник?

– Не совсем.

Пришедший развернул тряпицу и на тумбочку с громким грохотом вывалился ТТШник.

– Здесь, – он указал на шпалер. – Одна. Здесь, – гость распахнул полу пиджака, демонстрируя рукоятку заткнутого за пояс пистолета. – Пятнадцать. Вопросы есть?

– Э-э-э-э...

– Значит, нету. У вас пять минут. Я там подожду, – он кивнул головой на подъезд. – Газетку пока читаю... да, вы это... – внезапно добавил мужик. – Аккуратнее. Шкапчик не замажьте, а то венге – жалко будет.

Иху мать! Как быстро сработали! Чтоб я так строил! Я перевел взгляд с лежащего на тумбочке ствола на спину удаляющегося «сантехника». А чего я, собственно, теряю? Размахнувшись, я запустил четырехгранный снаряд в удаляющийся затылок киллера. Проклятие, наступающее мне на пятки с утра, или кончилось, или отошло пообедать. Так или иначе, но бутылка с костяным звуком шмякнулась точно в темечко неудавшегося убийцы. Тот, по инерции сделав шаг вперед, споткнулся о невидимую подножку и мешком рухнул в лужу.

Еще не до конца веря в свое счастье, я, схватив с пола гантелю, тигриным прыжком преодолел разделяющие нас пять метров и добавил по затылку. Раздался хруст и из раны полилась кровь вперемешку с грязно-серой массой. Готов.

– Мнда, – задумчиво изрек я. – Неудачный я выбрал год, чтобы бросить курить.

Взяв киллера за предплечье, я перевернул его на спину. Трупешник, зараза, оказался не из легких. Пена, плывущая под ногами, окрасилась в красный цвет. Никогда бы не подумал, что в такой маленькой и тупой голове может быть столько крови!

Похлопав его по карманам, я нашел, что искал – пачку сигарет. Разорвав отсыревший картон, достал сигарету. Она промокла насквозь. Впрочем, как и все остальные. Наклонив пачку, я вылил под ноги воду вперемешку с табачной трухой. Не везет – так не везет!

Ладно – сейф! Скользя по мокрому паркету, я добрался до края кровати. Нашупав нужную плитку в полу, надавил ее. С щелчком, приглушенным слоем воды, открылась потайная ниша. Улыбнувшись, я набрал на кодовом замке секретный пароль «12345». Никакого эффекта! Или я менял код? Еще раз, теперь другой – "54321". Снова тишина. Черт побери! Замок-то электронный и явно не предназначен для работы на глубине! В отчаянии я дернул ручку сейфа. Дюймовая сталь, как это ни странно, не поддавалась. Деньгохранилище успешно накрылось. Нет, конечно, можно смотаться до магазина, купить болгару, пару десятков дисков, и убить часа три-четыре, чтобы распилить дверцу. Но что-то подсказывало, что моего мертвого друга скоро начнут искать. И лучше бы его не нашли, а то потом и меня не найдут. Да еще и соседи снизу, не ровен час, вернуться с работы и, попав под водопад, непременно наведаются ко мне в гости. Дорога каждая секунда.

– Здрости, приехали! – прошипел я, садясь прямо в лужу.

Да и Бог с ним! Даже того, что у меня в бумажнике, хватит чтобы прожить в какой-нибудь Хацапетовке года два, а там – что-нибудь придумаем. Пора сваливать. Проходя мимо жмурика, я, на всякий случай, достал из-за его пояса петарду. Пригодится. Кажется, ничего не забыл. Я глубоко вздохнул...

Глава 2

...а выдохнул уже в кресле своего ярко-алого Lexus. Как лак на когтях Роксаны. Или, все же, Маруси? О чем она только думала, напяливая розовые стринги с красным лаком на ногтях?

Сиденье, в котором я прожил почти два года, которое успело продавиться под меня, обняло, казалось, не только со спины, но и спереди. По телу разлилось спокойствие. Но расслабляться рано.

Я достал из кармана коммуникатор и набрал Сашкин номер. Гудок. Еще гудок. Пятый, десятый. Да где же ты пропал? Пятнадцать. Черт побери! Жил, как барин, ни в чем себе не отказывал, а подохну, похоже, нищим. Да еще и не своей смертью. И все потому, что Семенов так не вовремя развлекается с какой-то телкой! Восемнадцать, девятнадцать, двадцать...

– Возьми трубку, скотина! – проорал я в микрофон.

– Ты чего кричишь? – спокойно ответил Саня.

– А раньше ответить запахло было? – поинтересовался я.

– Извини, Лешка. Я в лаборатории, шумно тут. Звонка не слышал.

Эх, Семенов, Семенов. Все одноклассники в люди выбились. Кто директор, кто начальник, кто депутат, а кто и мэр. А Сашка – физик. Непутевый у нас Сашка. Как окончил Прикладную Математику и Физику, так и остался на кафедре. Лично мне прикладная физика пригодилась в жизни всего один раз – когда, еще на моей первой машине – Вазовской копейке кузов прогнил так, что посадочное место под аккумулятор просело и проводов не хватало. Тогда я взял учебник по прикладной физике, как раз подходивший по размеру, и подложил его под батарею. Бинго! И от книг в жизни польза случается!

Где-то Саню понять можно – башка у парня варит, как самовар. Да и отец его там же всю жизнь отгрохал, пока в Принстон преподавать не пригласили. А Семенов здесь остался, хотя тоже мог свалить. Впрочем... есть момент, который я понять не могу. Откуда у него деньги берутся? Зарплата у преподавателя и кандидата наук – копеечная. По моим меркам. Откуда же, скажите пожалуйста, у него трехэтажный коттедж и новый Vrabus? Не тетрадки же он из универа тырит, чтобы на макулатуру сдавать!

– Дружище, – произнес я. – Мне срочно нужна твоя помощь.

– Что-то случилось? – по-прежнему невозмутимым тоном спросил одноклассник.

– Да, дружище, случилось. Я – в жопе!

– Как-то не слишком оптимистично...

– Поверь мне, в моем положении дышать – уже оптимистично.

– Я, как уже говорил – в лаборатории, – ответил Семенов. – Приезжай.

Повторять второй раз было необязательно. Врубив спортивный режим, я сорвал японское авто в свободный полет. На парковке у института, несмотря на летнее время, места почти не было. Я намотал по рядам кругов пять, прежде чем нашел, куда приткнуться. Кажется, меньше времени ушло, чтобы добраться до сюда, чем найти место, куда припарковать мой аппарат. Нищие студенты...

Дорогу до лаборатории я знал назубок. Мало того, что проучился в этом университете пять лет и знал наизусть все его закоулки – даже такие укромные места, где можно уединиться с девушкой посередь бела дня. Для этого лучше всего подходила библиотека во втором корпусе, секция научного коммунизма – туда даже пыль уже лет двадцать не заглядывает.

Так еще и после того, когда Семенов уже учился в аспирантуре, регулярные походы в его лабораторию на дополнительные занятия со студентками заставили выучить каждую ступеньку, каждый поворот, каждый шов на граните. К сожалению, такие развлечения не остались не оцененными по достоинству моей второй женой... потому и бывшей. Если говорить про

первую... я тяжело вздохнул, вспомнив то, что одна моя часть забыть пыталась, вторая же – цеплялась из всех сил за те воспоминания, не давая им стереться. Не хочу я про это говорить. Слишком больно.

– Саня, – произнес я, едва успев открыть дверь лаборатории. – Я – в жопе!

– Это ты уже говорил, – ответил друг, не отвлекаясь от пульта со множеством лампочек. – Скажи что-нибудь новенькое.

За те полгода, что я не заходил к нему в гости, лаборатория значительно преобразилась. Вместо допотопного оборудования, бывшего, видимо, еще ровесником самого института, появились новые приборы, еще пахнущие заводской краской и свежим пластиком. Причем, явно не отечественного производства. По центру комнаты разместился огромный металлический подиум, заняв большую часть помещения. В воздухе висел запах озона – если бы не испепеляющая жара снаружи, то я бы подумал, что скоро начнется гроза.

Все же, кое-что осталось неизменным. По всей лаборатории, на первый взгляд – в жутком беспорядке – валялись листы бумаги, исписанные корявым подчерком Семенова. Обычно люди, да и я в том числе, пишут по одной букве в клеточке. Некоторые – по букве на полторы клеточки. Но не Саша! Я до сих пор не понимаю, как он умудряется писать по две строчки в одной клеточке! И Бог с ним – писать, как он умудряется после прочтения, что написано? Хотя, я так подозреваю, что он и не читает, что там сам же и накалякал. В этом нет необходимости. И вот почему.

Башка у парня варит. Вообще, что касается математики и физики, его мозг словно находится в другом измерении. Он высоко над тем, через сколько времени встретятся два поезда, один из которых выехал из пункта А, а другой – навстречу из пункта Б. Пока мы в школе решали подобные бредовые задачки, он уже тогда пытался найти практическое применение не алгебре и геометрии, а высшей математики, причем это применение далеко не ограничивалось тем, чтобы согнуть кусок проволоки в виде интеграла и достать шляпу из лужи – вовсе нет!

Пока мы решали контрольные, он за считанные минуты успевал решить все задачки у себя в голове, не написав на листке ни единого знака. Наша школьная учительница так ему и говорила: «Саша, я понимаю, что эти задачи тебе неинтересны, но ты хотя бы задание мне отдать не забудь. Кроме тебя ведь еще другие дети есть». И это «другие дети» всегда произносились с такой издевкой... мол, другие, то есть мы – тупенькие, неполноценные.

А на математических олимпиадах, пока, опять же, мы пыхтели над одним заданием, Семенов успевал решить все. Но он никогда не сдавал свою работу. Потому как сдавать было нечего. Подавляющее большинство решалось в голове, а там, где процессор перегревался, на бумаге появлялись несколько закорючин – и ответ готов! Вопрос – ответ, вопрос – ответ. Он не заморачивался над процессом решения, процесс для Саши был не важен. Он получил задачу и вывел ответ – удовлетворил не преподавателя, или организаторов олимпиады, а себя. Глядя на одноклассника, я реально боялся восстания машин. Потому что мне казалось, что там, в будущем, оно уже началось, а Саша – терминатор, отправленный в прошлое, чтобы убить Сару Коннор.

С терминатором Семенова роднил не только феноменальный мозг. Кто-то думает, что Саша – тощий бледный тип с очками на десяток-другой диоптрий? Как бы не так! Невысокий – да, но коренастый, с широкими плечами и шеей, почти такой же толстой, как у меня. В полувоенных ботинках, камуфлированных штанах, футболке, с наколкой в виде усмехающегося черепа в пиратской треуголке на плече, меньше всего друг был похож на преподавателя высшего учебного заведения, кандидата наук, а в скором будущем – доктора тех же наук, кандидатом коих он являлся!

Вообще, в начальной школе я считал себя тупым. И то, надо сказать, не потому что я был таким, а в большей степени из-за классного руководителя в младших классах, которая каждому ребенку на дню по несколько раз говорила – «ну ты и тупой!». А она там, сорокалетняя

баба, способная два плюс два сложить в голове быстрее семилетки – разумеется, Нобелевский лауреат.

Тоже вопрос – кто ее, такую, детей-то учить пустил? В средних классах я уразумел, что не совсем дурак. В институте же я начал догадываться, что я далеко не дурак. А уже после, когда начал работать и основал свою компанию, понял, что я – едва ли не гений. Потому что, ежу понятно, окончить одиннадцать классов и ВУЗ – не каждому дано. Дано-то оно немногим. И – нет, я не скажу, что корочки о высшем образовании дают гарантию качества ума. Один из умнейших и богатейших людей, кого я знаю, после девятого класса свинтил на заработки на Севера. Пусть он не знаком с интегралами, но как рубить бабло – понимает прекрасно. Не скрою, я у него многому учился, но... но рядом с Семеновым мой мозг словно немеет. Тот опыт и те знания, что есть у меня, по сравнению с одноклассником кажутся такими ничтожными...

– Саня, я встрял, – выдохнул я. – Конкретно встрял. Ты понимаешь, что такое – встрял?

– Физика процесса мне неизвестна, – пожал плечами ученый. – Рассказывай.

– А что тут рассказывать?

Я бухнулся в кресло и кратко, вписавшись всего в пятнадцать минут, поведал историю сегодняшнего дня, начиная сложившимся, как карточный домик, цехом и заканчивая трупом у себя в прихожей.

– Мнда, Леха, – протянул одноклассник. – Мнда, ты в жопе.

– Ну да? А я тебе что сказал?

– И, я так понимаю, ко мне ты приехал отнюдь не за соболезнованиями?

– Вот за что я тебя, Саня, уважаю, так это за твою проницательность. Я приехал чтобы занюхать. У тебя же остался дом в Хацапетовке?

– Где-где? – не понял Семенов.

– Ну избушка тебе от прабабки осталась. Или прапрабабки? А, может, прапрапра... короче, ты понял. Мы еще туда на шашлыки ездили... Ну, ё-мое... ночью еще по горам плу-тали – помнишь?

– Хацапетовка! – усмехнулся ученый. – Деревня Ключи Ашинского района Челябинской области.

– Ты еще широту и долготу назови, – съязвил я. – Мне до апельсина. Главное – там, не то что меня – деревню-то не найдут.

Саша задумчиво пожевал губы. Наверно, это не помогло – физик встал со стула и медленно подошел к окну. Чего он тянет? То, что ему не жалко – это и не вопрос. Скорее всего, есть другое решение моей проблемы. Хотя... мне в голову приходило только два – отстроить цех заново, или подставить голову под топор. Первый вариант не подходил, потому как таких денег у меня не было, а второй... потому что моя собственная голова нравилась мне приделанной к моей собственной шее.

– Мой дорогой друг, – повернулся, наконец-то, Семенов. – А если я тебе скажу, что есть еще один способ решить твою проблему? Предупреждаю – он не совсем... традиционный, что ли?

– Не совсем традиционный? – переспросил я. – Это, типа, как?

– Я не знаю, как тебе сказать, чтобы ты сразу не побежал сдавать меня в дурку... в общем, что ты думаешь о путешествии во времени?

– О, дружище! – рассмеялся я. – Ты сам-то голову давно проверял? А то, смотрю, засиделся ты тут, в четырех стенах, за...

И тут я запнулся. Семенов в упор смотрел на меня своими жутковато спокойными серыми глазами. И было в них что-то такое, что я понял – он не прикалывался надо мной и не сошел с ума. Стоит заметить, что Саша – едва ли не единственный человек, который скажет, что утром видел марсианина, или что только что побывал в преисподней – и я ему поверю! Потому как

чувство юмора физика работает в той плоскости, в которой прикалываться так тупо даже в голову не придет, а уж если он сказал – в морг, значит в морг, тут даже спорить бесполезно.

К тому же, если у кандидата наук есть доступ к таким технологиям – это многое объясняет. Да какой – многое? Это объясняет все! И почему он не пошел на дискотеку с классом, когда директриса всех попала, что водку пили. И почему он не купил совершенно замечательный Крузак по бросовой цене – головняков с ним было столько, что врагу не пожелать. И почему он скинул рубли летом девяносто восьмого. Наконец, коттедж и "Гелик". Как легко зарабатывать деньги, если знаешь, где, что и когда стрельнет. Знать заранее и подстелить соломку. А Саша – я только сейчас понял – на самом деле многое знал заранее. И, если подумать – не припомню, чтобы он совершил какую-нибудь более-менее серьезную ошибку.

– То есть... оно есть? – шепотом спросил я.

– Оно – кто? – так же шепотом поинтересовался Семенов.

– Здрости, Саня, приехали! Не ты ли только что сказал, что у тебя есть девайс, с помощью которого можно отправиться в прошлое?

– Есть, – кивнул ученый.

– И где же? – воскликнул я, подпрыгнув на кресле.

Вместо ответа одноклассник развел руками. Вначале мне показалось, что это его очередная издевка. Типа как «хорошо бы, да хренушки». Но тут я сообразил – он показывает вокруг – на мигающие лампочками агрегаты, на лабораторию! Оно – здесь! Прямо здесь! Все это время машина времени находилась на расстоянии вытянутой руки, а я и не подозревал!

Я снова огляделся. Но теперь на все приборы, дисплеи, кнопки и прочее оборудование смотрел с благоговением... и, чего скрывать – страхом. С такой штуковиной, чего доброго, динозавров оживить можно...

– Офигеть можно! – произнес я.

– Физикой этого процесса займешься позже, – улыбнулся друг. – Сколько времени тебе надо?

– А что, можно прямо сейчас? – осторожно осведомился я.

– Нет, завтра. Конечно – сейчас. Или ты хочешь подождать, пока тебя на ноль помножат? Сколько времени тебе надо?

– Так, постой... свай мы начали забивать летом две тысячи шестого года... заказал я их в мае... давай апрель две тысячи шестого года. Пары лет мне вполне хватит...

– Девятнадцатое апреля две тысячи шестого года, – застучал по клавиатуре Семенов. – Полдень ровно. Тебя устроит?

– До апельсина, – расцвел я. – Главное – апрель шестого. Постой... а как я смогу исправить это?

– А вот это уже твои проблемы. Можешь записку отправить, можешь по телефону предупредить. Наконец, можешь в гости к себе наведаться. Я бы предпочел последний вариант.

– А как же нарушение пространственно-временного континуума? – ядовито поинтересовался я.

– Ой ли! – усмехнулся Саша. – Ты доктора Эммета Брауна вспомнил, что ли? Забудь все это. Я сто раз так делал и ничего страшного не произошло. Вселенная на месте. Ну, ты готов?

– Да, но...

– Надеялся получить какую-либо напутственную речь? Обойдешься. Башка у тебя варит – сам разберешься.

– А как я вернусь-то?

– Найдешь меня. Два года назад я отправить тебя не смог бы, но вернуть – запросто. Физика процесса мне была уже известна. Становись.

– Куда?

– На... эту, короче, хрень, – друг кивнул на подиум. – Хотя, учитывая, хронотонный принцип работы, это – хронь, а не хрень.

Я улыбнулся. Замешательство одноклассника говорило не о том, что он решил не пугать меня научными терминами – отнюдь! Просто он не заморачивался на такую мелочь, как придумать название для «этой хрени», как, наверное, и для многого в этой лаборатории. Еще бы! Семенов строил эту машину для себя, а ему и без названий все понятно.

Черт же побери! Я судорожно сглотнул. Вот оно! Всего полшага, полсекунды – и я буду спасен! Как все, оказывается, просто! Радость омрачало одно – курить хотелось жутко. И еще – я надеялся, что это не очень отразится на моем организме. Решившись, я занес ногу на ступеньку. И как раз в этот момент зазвонил телефон. Я посмотрел на аппарат. Номер засекречен. Хм, даже догадываюсь, кто это! Отказать себе в удовольствии я не мог.

– Слушаю, – произнес я в трубку.

– Алексей Сергеевич? – осведомился незнакомый голос тоном, в котором звучали нотки гробовщика.

– Ага, он самый. И что дальше?

– Хотел предупредить, что вокзал, аэропорт и все дороги из города перекрыты. Сдайтесь по-хорошему и я обещаю – будет не очень больно.

– Здравсти, приехали, – усмехнулся я. – У меня есть встречное предложение. Ты смотрел передачу «Ищу тебя»? Так вот. Предлагаю поиграть в увлекательнейшую игру – «найди меня». Отыщешь – хрен с тобой, замочи. А нет – можешь спилить мушку, засунуть ствол себе в задницу и пустить пулю себе в лоб. Советую уже приступать, потому как хрен когда ты меня найдешь. Еще вопросы?

– Будет больно, – сделал вывод собеседник.

– Обязательно, – кивнул я. – Ты найди меня сначала, недоумок!

Убрав наладонник, я поставил ногу на подиум. Сейчас внесу свою лепту в историю...

– Ну, Саня, я готов, – произнес я, на всякий случай прикрыв глаза. – Поехали. Жми кнопку, Макс!

– Хм... Леха, тут небольшая загвоздка. Напряжения в сети не хватает.

– Ты что? – подпрыгнул я. – Издеваешься?

– Нет, – покачал головой ученый. – Пошутил немножко. Да пребудет с тобой Сила, мой юный падаван!

И Семенов ткнул пальцем в кнопку.

Глава 3

Признаться, ожидал чего-то большего. Ну, не знаю – в «Терминаторе», например, Шварценеггер прибыл в прошлое в огромном мерцающем шаре из электричества. «Назад в будущее» – опять молнии. И машина времени была более стильной.

Нет, я не настаиваю на красной дорожке и оркестре, но хотелось бы чего-нибудь эдакого... эпичного, зрелищного. Чтобы детям не стыдно рассказать было. Более эффектного появления хотелось. Хрен вам там! Короткое «Бах», на миг потемнело в глазах.. и – вот он я, туючки! Ладно, если там доживу до того, чтобы дети у меня появились – придумаю, что соврать.

«Туючки» – это лаборатория Семенова, но без пандуса и всех тех приборов, что я видел пятнадцать секунд назад – полутемная каморка с паутиной на потолке, парой десятков коробок, покрытых пылью, и, конечно, без самого Сани. Кажется, получилось! Для верности я похлопал себя по бокам. Вроде, я здесь весь, целиком! И, как будто, живой! Нет, точно – живой. Был бы не живой – не смог бы подумать все это.

Yes!

– Здравствуй, самый прекрасный город в мире! – произнес я, подойдя к окну.

К сожалению, слой грязи на стеклах не позволил оценить даже ничтожно малую часть красоты родного города. Но одно было ясно – Акелла промахнулся. То, что было за окном, больше походило на поздний вечер, чем на полдень утра. Но это – мелочи, издержки производства. Главное – я здесь, а проблемы – там.

Я, действуя по привычке, достал телефон – посмотреть, сколько времени. Дисплей показывал девятнадцатое июля две тысячи восьмого года, четыре часа дня. Ну да, в самом деле – чего это я? Поразмыслив, не перевести ли часы на две тысячи шестой, я махнул рукой и направился к выходу. Делов-то тут – полчаса до дома, час там, полчаса до Семенова – и стоит из-за этого заморачиваться? О, еще в шоколадницу на Энгельса можно заскочить, а то кексики там вкусные были, да закрылась в прошлом году.

Зевнув, я задумался об этике вопроса. Уместно ли использовать машину времени, чтобы покупать кексики? До апельсина, я все равно уже здесь! Хотя перспективы для обогащения рисовались нешуточные. Покупаешь за гроши контейнер просроченных консервов, отправляешься в прошлое, когда срок годности еще не истек, впариваешь с недурной такой выгодой. Даже этикетки переклеивать не нужно! Черт, да я – гений! Прямо Мориарти!

Щелкнув замком, я зашагал по скрипучему паркету университетского коридора, скатился по перилам лестницы и чуть не впечатался в бюст Ленина на постаменте. Забавно... кажется здесь скульптура «Россия» стояла. Впрочем, никогда не заострял внимания.

– Заучились? – грозно осведомилась старушка-вахтерша, оторвавшись от вязания и стрельнув глазами поверх очков.

– Э-э-э, да! – выпалил я. – Я тут на вечернем учусь... уснул! – добавил я, виновато разведя руками.

– Ну-ну, – покачала головой старушка. – Небось, опять с Семеновым аспиранток тискал? Знаю я вас...

– Бабуль, – широко улыбнулся я. – А тебе завидно? Скинь пару сотен годков – я и тебя потискаю!

Вахтерша аж поперхнулась от такой наглости.

– Да я на вас ректору напишу! В профком! В райком! Да я до обкома дойду! – заверещала она, гневно сверкая очками.

– Давай-давай, – усмехнулся я. – В Спортлото не забудь.

Остальные слова я слушал уже спиной. Да иди куда хочешь, старая! Только сильно сомневаюсь, что на Саньке это как-то отразится. Хлопнув на прощание дверью, спустившись с крыльца, я, по инерции, достал из кармана ключи от Lexus... да не тут-то было – американец с японскими корнями, насколько я помню, еще только сошел с конвейера. Придется второй раз за день ловить лохматого.

На дороге было на удивление пусто. Странно... обычно возле ЮУрГУ в любое время полно автомобилей, особенно – летней ночью. Собирается тусовка стрит-рейсеров, зараженных "Форсажем". Тачки, телки. Вот те девочки, что были в фильме, в подметки не годятся тем студенточкам, которые кучкуются в ночной тусовке перед универом. Ух, даже скулы свело, как вспомнил эти ножки в пятнадцатисантиметровых юбочках и шортиках чуть больше трусиков.

А сегодня тут – хоть шаром покати. Куда все подевались? Лишь у тротуара стояла "Волга". ГАЗ-24-10 в совершенно обалденном коллекционном состоянии, блестящий лаком заводской краски и хромом дверных ручек и бамперов. На борту чернели шашечки, на крыше сиял оранжевый фонарь, а за лобовым стеклом светился зеленый огонек. Ну вообще – шик! Раритет! Все причиндалы! Откуда такая прелесть? Кино тут, что ли, снимают? Но ни камер, ни софитов, ничего остального, что должно присутствовать на съемочной площадке, я не заметил.

Заметил таксиста. Мужик как раз отходил от киоска с газетой в руках. Что-то в его лице показалось смутно знакомым... Впрочем, текучка кадров в моей фирме дичайшая. Только в административе полсотни человек за год сменилось, инженеров – раза в три больше, плюс работяги – с тысячу голов наберется. Или штурк? В чем там работяги измеряются?

Не то, что город – почти всю страну в лицо изучить можно было. И не только Россию – вдобавок Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан и еще с пяток бывших республик бывшего Советского Союза.

– Э! Постой! – прокричал я, подбегая к автомобилю. – До Макеева довезешь?

– До куда? – переспросил бомбила.

– Что, не местный, что ли? – удивился я. – До Тополиной доедем – а там покажу.

– Да у меня и смена закончилась... – замялся водила. – Два счетчика дашь?

– До апельсина, – согласился я. – Поехали.

Я запрыгнул на переднее сидение, таксист устроился за рулем. Двигатель старенькой Волги запустился на удивление легко – с пол-оборота. Про себя я отметил, что и в салоне ГАЗа на удивление чисто. Даже все шильдики на месте! Я провел рукой по панели. Салон нового автомобиля. Никогда б не сказал, что ей, как минимум – двадцать лет.

– Нравится? – усмехнулся шофер. – Неделю назад получил! Тысячи не накатал еще!

– Обалденный аппарат, – согласился я. – Чего стоим, кого ждем? Поехали!

– А ремень?

Скотина! Вконец решил меня довести? Чертыхнувшись, я щелкнул застежкой ремня, волговский мотор характерно звякнул и машина тронулась с места. Елки-моталки! Обернувшись за ремнем, я заметил кое-что. Некоторое несоответствие. Но, обернувшись повторно, разглядеть не успел – сквер напротив главного корпуса ЮУрГУ скрылся за зданием Челябинги-протяжмаша.

Елки. Именно елки. Мне показалось, что елок в сквере нет! Когда срубить-то успели, ироды? Да нет, показалось. В две тысячи восьмом, когда я парковался, елки точно были. Не могли же их срубить, посадить новые, а те за два года вымахали. Определенно – показалось.

Наверно, для всех профессиональных таксеров естественно рассказывать что-нибудь, совершенно не обращая внимания, интересна ли беседа попутчику. Этот исключением не был. Если еще про вчерашний матч я мог послушать, то когда он переключился на то, какую обалденную телку он драл с во-от такенной задницей (здесь он сделал жест руками, как рыбак, который показывает, какого здорового сома подцепил), я сжалился над своей психикой, закрыл глаза, откинулся на кресле и отключился от внешнего мира.

Вообще же, на счет игры – тоже неплохая мысль. Можно сделать пару ставок на Россию в Чемпионате Европы две тысячи восьмого года. Черт побери! От следующей мысли меня прошиб пот. У меня же в коммуникаторе все котировки доллара и евро за последние три года, плюс курсы акций полутора десятков компаний! Зачем, вообще, строить, обладая такой информацией? Риска – никакого!

– Эй, друг, – потряс меня за плечо таксист. – Тополиная.

Так быстро? Хотя... от ЮУрГУ по плотине до Тополиной аллеи, тем более – почти ночью – минут десять. Помню, в супердавние времена, я по утрам, в час пик, от дома до университета по плотине за восемь минут добирался! И это – с учетом времени, что я шел на стоянку, прогрел отцовскую «девятку» и заезжал по пути на заправку! А сейчас... эти же самые двенадцать километров – часа полтора, не меньше. За прошедшие десять лет количество автомобилей увеличилось раз в сто. И светофоры на каждом углу понатыкали.

– Теперь-то куда? – еще раз спросил водила, остановив "Волгу" на обочине.

– Сейчас на светофоре... – я открыл глаза. – Не понял...

Светофора не было. Как не было ни тротуаров, ни магазинов, ни дороги по три полосы в каждом направлении... Да что там – целый микрорайон бесследно исчез, как сквозь землю провалился! Его не было! Хотя тополиная аллея оставалась на месте... в том виде, в котором я ее помнил с детства – естественный туннель из вековых деревьев, растущих по краям дороги, и смыкающих свои густые лапы в десятках метров над головой. Забавно... три-четыре года назад их срубили под корень – это я точно помнил. Сам таун-хаус строил вот... вот прямо на этом самом месте!

– Твою ж мать! – произнес я, выходя из Волги. – Чё за ботва?

– Эй! – выскочил следом таксер. – Ты что – кинуть меня задумал?

– Отставить ссать, – отрезал я, оборачиваясь.

И тут в глаза бросилась одна совсем малюсенькая деталь, на которую до сего момента я не обращал внимания – талон техосмотра на лобовом стекле "Волги", с датой следующего. Восемьдесят девять. Выглядит как новый. Не могла эта несчастная бумажка не пожелтеть за двадцать лет!

– Слышь, брательник, – обратился я к водиле. – А какой сейчас день?

– Вторник, а что?

Хм... вторник... уже хоть что-то. Мозг лихорадочно работал, выбирая слова, как бы узнать дату поточнее... да какой, к черту, точнее? Точнее года мне, по большому счету, сейчас и не нужно. Вопрос в том, как узнать год, чтобы шоферюга не сдал меня в сумасшедший дом?

– А дата? – уточнил я.

– Девятнадцатое... июля, – настороженно ответил тот. – А что?

– Да к черту число! – закричал я в панике. – Год сейчас какой?

– Ты что, с Луны свалился?

– Ну! – я перемахнул через капот, схватил таксера за грудки и пару раз встряхнул, освежая память.

– Одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмой... – пропищал он. – От рождества Христова.

– Здрости, приехали, – выдавил из себя я, хватаясь за голову и садясь на крыло.

Тысячелетие крещения Руси... И вот теперь стало понятно. Понятно, почему вместо скульптуры «Россия» в университете стоит бюст Ленина. И почему вахтерша грозилась обкомом, и почему "Волга" в таком обалденном состоянии, и почему транспорта на дороге нету... наконец, стало ясно, куда делся целый микрорайон с улицей Макеева, где находится мой дом – его начали строить только в две тысячи четвертом. Даже с елками все понятно – они еще вырасти не успели!

Да, кстати... и жарковато для апреля... Непонятно было другое – кто виноват и что делать? Нет, как раз кто виноват – это понятно. Сашка виноват, скотина яйцеголовая! А вот что делать? Складывалось ощущение, что я теперь в гораздо большей жопе, чем тогда, час назад, который был двадцать лет вперед. Крутовато Акелла промахнулся...

Водила стоял чуть поодаль, беспокойно озираясь. И подходить ко мне боялся, и, в то же время, бросить автомобиль с ключами в замке зажигания, не мог. Видимо, как раз выбирал между накинуться на меня самому, или добежать до поста на плотине и сдать ненормального гражданина соответствующим органам.

Опачки! А ведь может быть значительно хуже! Если он сдаст меня с паспортом двухтысячного года, причем паспортом, где нет ни слова про светлое советское будущее, с правами, замененными в две тысячи шестом, да еще с полным бумажником баксов и рублей, модификации две тысячи четвертого – с триколором. Это еще если забыть про коммуникатор и заткнутую за пояс Беретту. Поймают – из кгбшных подвалов не выйду никогда... лучше в дурку, хоть там за своего примут.

Стоп! А почему вахтерша назвала Семенова? Саньке же сейчас лет десять... он попросту из физиологических соображений не мог с телками в институте сегодня зависать.

– Тьфу! – шлепнул я себя по лбу.

Не Санька, а Евгений Борисович – его отец! Вот кто нарушал беспорядки в... как там ЮУрГУ двадцать лет назад назывался? ЧПИ? Вот-вот, в нем самом. А Семенов-старший – тоже физик и башка у него варит ничуть не меньше, чем у моего драгоценного одноклассника! Вот он – мой билет домой!

– Слышь, – окликнул я таксиста. – Тебя как звать... э-э... товарищ?

– Николаем, – несмело отозвался он.

– Николай? Коля, значит... вот, что, Коля, – я достал из заднего кармана бумажник. – Сейчас я тебе дам сто баксов... долларов, то есть – знаешь, что это такое?

– Ага, – кивнул он. – Статья.

– Так... а триста долларов?

– Ну, – расплылся в улыбке Николай. – Это – совсем другое дело! А чего делать-то надо?

– Значится так... – протянул я. – Значится так...

Настала пора решать другую проблему. Завалиться к Семенову-старшему прямо сейчас я не мог. И дело даже не в том, что времени половина первого ночи – избытком такта я никогда не страдал, тем более – в такой ситуации. Попросту я не знал, где он сейчас живет! С Санькой я учился с седьмого класса, а товарищ перешел в нашу школу именно тогда, когда его семья переехала в наш район, то есть через два года. Прийти к себе домой и сказать «здравствуй, мама, вот и я!» женщине, которая на год младше меня – это тоже пахнет шизофренией. Остается один вариант...

– Значится так, товарищ Коля, – повернулся я водиле. – Сейчас мы поедем поменять баксы... тьфу... проклятые капиталистические доллары на твердые советские рубли – самую надежную валюту в мире, а после отвезешь меня в какую-нибудь гостиницу. Знаешь, где можно валюту поменять?

– А то! – расплылся в улыбке шофер. – Поехали!

И такси покатило по тополиной аллее в сторону северо-запада – мимо пельменной, ныне – ресторан «Красный Дракон», автоцентра ВАЗ, ныне – техноцентра VOLVO, мимо котлована, где будет стоять шестнадцатиэтажка, стянутая швеллерами. Теперь я смотрел в окно, не отрываясь. Здесь прошло мое детство, именно такими я помнил эти улицы. Многие изменилось с тех пор... улицы-то не все были. Зато воздух такой... особенный. Чистый, свежий, душистый. Воздух из детства.

– Прежний-то был что надо, – жаловался по пути водила. – Пятикратный Герой Советского Союза, да и лет уж сколько было... солидный такой, сказал – как отрезал. А этот... тьфу!

Ни одной медальки, с пятном на лысине, да и годками комбайнер не вышел. Без своей бабы – ни шагу... Перестройку эту удумал... может, вы мне скажете, что это за перестройка такая?

Признаться, у меня появилось легкое ощущение дежа вю.

– Перестройка – продолжение дела Октября. Это когда каждый делает свое дело на своем месте. Честно, добросовестно делает. Вот и вся перестройка, – зевнул я, вспомнив курс истории.

– Вот и в газетах то же пишут... – промямлил бомбила.

– И молча дело делает, – добавил я.

– Молча – так молча, – вздохнул мужик. – А вот у меня случай был...

– Совсем молча, – уточнил я.

Глава 4

"Волга" въехала во двор длинной девятиэтажки, изломанной зигзагом, за что ее прозвали "пентагоном". Не знаю, как сейчас, но в девяностых это был далеко не самый спокойный райончик. Местные пацаны, "городские", регулярно выясняли отношения с "деревенскими" – жителями частного сектора через дорогу. По утрам асфальт краснел кровью. Дикое время, дикие нравы...

Прокатившись на нейтрале, машина спряталась за голубятней. Николай, воровато оглянувшись, махнул мне рукой. Я вышел из автомобиля и, хрустнув суставами, потянулся.

– Ш-ш, – зашипел таксист. – Не попались.

Я еле удержался, чтобы не рассмеяться. Во дворе – ни души, во всем доме горело всего два окна. Рабочий класс давно уж спит – к чему в шпионов играть? Но... у каждого свои правила. Раз водителю так спокойней – то пусть.

Прокравшись вслед за гидом, я вошел в подъезд. Обычный подъезд обычной девятиэтажки – только матерных надписей на стенах меньше – или пионеры сознательнее современных подростков были, или белили его чаще. Но кнопка лифта оказалась выжженной – с этим все в порядке, традиции оставались неизблемыми. Там, в двадцать первом веке, изобретут единственный способ борьбы с вандалами – кнопки станут металлическими, а не пластмассовыми. "Пластмасса"... слово-то какое древнее! В мое время его окончательно вытеснило понятие "пластик".

Впрочем, мой проводник остановился не у лифта, а у дверей квартиры здесь же – на первом этаже. Он, для верности, еще раз приложил палец к губам и утопил кнопку звонка.

– Кто там? – почти сразу раздался грозный голос, приглушенный дверью.

– Фима, открывай, – прошипел таксер. – Это я, Колян.

– Чего надо?

– Клиента к тебе привел!

Щелкнул замок и в прямоугольнике света появился... черт, да ему бы в фильмах сниматься! Какой типаж! Здоровенный детина, с головой, лысой, как коленка у Роксаны, со свернутым набок носом, ртом, полным золотых зубов. Его голова резко, без излишеств типа шеи, сразу переходила в плечи. Пожелтевшая совковская майка оставляла открытыми волосатые, как у медведя, плечи, позволяя в деталях разглядеть наколки качка. Ей-богу, если и бывает образ бандита всех времен и народов – то это оно!

– Вот, Фима, – виновато улыбнулся Коля. – Человечка к тебе привел. Ему бы...

– Я так думаю, у человечка свой язык есть и он сам может сказать, чего бы ему, – хохотнул громила, вытирая об майку руку с тремя синими перстнями. – Фима, – представился он, протянув ладонь.

– Алексей Сергеевич, – ответил я, пожимая экскаваторный ковш.

– Нехило ты прикинул, Алексей Сергеевич, – протянул бандит, оглядывая меня с ног до головы. – Из загранки?

– Есть немного, – нахмурился я.

– И чего же тебе? Девочку? А, может, волыну или ксиву? – ехидно поинтересовался Фима.

– Грины скинуть, – обезоруживающе улыбнулся я, демонстрируя пресс баксов.

Жулик взволнованно вдохнул воздух и мелко-мелко задрожал. Видимо, впервые видел живьем такую пачку зелени. Совладав с собой, он схватил меня за плечо и затащил в квартиру.

– Жди здесь, – небрежно бросил он таксисту и захлопнул дверь перед его носом. – Проходите, Алексей Сергеевич, проходите, – произнес громила подозрительно шелковым тоном,

обращаясь уже ко мне. – Курточку снять не желаете? Да что вы! Не разувайтесь! Может, водочки? Коньячку? Марафета не предлагаю, не держу...

Говоря все это, Фима, бережно подталкивая меня в спину, вел по квартире. В комнате, обставленной по советским меркам совсем недурно – чешская стенка, финский ковер на стене, кожаный диван с двумя креслами вокруг журнального столика с початой бутылкой водки, открытой банкой огурцов, горкой куриных косточек и парой стопок. В углу расположился цветной телевизор и, подумать только – видеомэгнитофон! На экране, в ужасающей записи, со «снежком», Тимоти Далтон в роли агента 007 в очередной раз спасал мир от нас – Империи Зла в виде СССР. В одном из кресел сидел ужасающе худой, такой же лысый, с оттопыренными ушами, с шеей, как у быка хвост, второй жулик, внешне – почти полный антипод Фимы.

– Струна, – хозяин кивнул головой. – Пойди, покури. Дай, люди пообщаются, – подмигнул он.

Тот, пошатываясь, поднялся с кресла и, со вздохом кивнув, покинул комнату. Громила тяжело опустился в кресло у окна, жестом пригласив занять место напротив. И здесь я совершил вторую ошибку – занял это место, оказавшись спиной к двери.

– Курс вы знаете? – с улыбкой спросил Фима, доставая из тайника в кресле банковскую упаковку рыжих червонцев.

Мы их в свое время называли «лысыми». Почему? Кто хоть раз видел советский червонец – тот меня поймет – именно он был единственной купюрой с изображением бюста Ленина, рискующей оказаться в руках десятилетнего ребенка. А Ленин, как известно, был лысым.

– Восемьдесят копеек за доллар. Сколько меняем?

– Какие восемьдесят копеек? – рассеяно проговорил я, вытягивая шею к телевизору, из которого доносились первые ноты мелодии "The Living Daylights" группы "A-ha". – С утра курс двадцать четыре рубля с копейками был!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.